

Николай Алексеевич Полевой

Краковский замок

В повести верно схвачена атмосфера екатерининских времен, неурядицы и разброд в войсках, находящихся в Польше. "Образ ведения войны в Польше мне не нравится... — писал, например, русский посланник в Польше Сальдерн. — Все, что делается здесь хорошего, делается только благодаря доблести и неустрашимости солдат. Исключая генерал-майора Суворова и полковника Лопухина... наши командиры ретируются с добычей, собранною по дороге в имениях мелкой шляхты, и, расположившись на квартирах, едят, пьют до тех пор, пока конфедераты не начнут снова собираться. Бывали примеры, что наши начальники отрядов съезжались с конфедератами и вместе пиروвали". (Цит. по кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965, т. 28, кн. 14, с. 508.)

В повести живо очерчен и портрет молодого тогда полководца А. В. Суворова, а также ряда видных военно-дипломатических деятелей европейских государств.

Содержание

#1	0005
КРАКОВСКИЙ ЗАМОК БЫЛЬ	.0005
ПРИМЕЧАНИЯ	.0057

КРАКОВСКИЙ ЗАМОК

Быль

Видали ль вы море перед самым началом грозы и бури? Еще порывистый ветер не рыщет по волнам его, еще небо не оболочено черными тучами, еще валы не вздымаются горами, свист, шум, рев не оглушают странника. Не настало еще это дивное, грозное явление, когда бешеное чадо земли рвется в раскаленные своды неба, падает, обессиленное, и снова летит к небу. Но уже странник не чувствует томительной тишины, которая душит, кажется, океан и выдавливает его на берега; края небосклона обставлены уже воздушными, черными горами, верхи их крутятся дымчатыми полосами; солнца нет, море шевелится, как оживающий мертвец под белеющим саваном, и края покрывала его пенистыми бахромами хлещутся об утесы, и гул бури ноет в отдалении. Еще минута, и — горе ладье, не успевшей укрыться в пристань! Тогда, стоя на утесе, вы видите, что волны как будто разбегаются врозь подле берегов, сыплются, дро-

бятся. Они, как будто первенцы бури, летят и стремятся на все берега, как будто хотят прежде вылиться на берега, пока порывы бури не ринут их вглубь и не смешают в гибели и ужасах волнения.

Таковыми являлись Франция и французы, когда не грянула еще буря революции, когда Людовик XV изнемогшею рукою держал кормило государства, давно спал для славы и дремал над самою жизнью, утомленный и пятидесятилетним неславным царствованием, и мелочными интригами двора своего, и роскошью, и тем, что даже ни одно бедствие не освежило его жизни, тусклой и бесцветной. В кругу своих любовниц зевал Людовик, оставляя министрам заботу о государственной чести, и оживал только для того, чтобы мешать в исполнении каждому из них: ссориться с парламентами за министров и сводить министров с мест их, потому что ветреной Дюбарри они не нравились. Долее всех боролся с властью этой прихотливой красавицы герцог Шуазель. Людовик так привык к нему, что, подписав увольнение герцогу, несколько дней носил увольнение это в кармане и не хо-

тел послать к Шуазелю. Быль, которую хотим мы рассказать теперь, случилась после падения сего гордого, властолюбивого, хитрого и умного вельможи. Но события, которых следствием была она, относятся еще к правлению Шуазеля.

Он видел, что положение Франции вело к бедственной развязке: финансы государственные угрожались банкротством; народ беднял; правосудия не было — все продавалось, даже чины отдавались тому, кто платил больше. Говорят, что это и в других землях бывает, но во Франции сам король публично торговал чинами. Между тем двор роскошничал, вельможи шалили, ссорились; потомки Баярдов вынимали шпаги свои только для дуэлей; парламенты спорили с королем; народ роптал; Бастилия была набита, но — судите о странности обстоятельств — при самом дворе, тогда же, Бомарше рассевал песни на короля и Дюбарри, смешил всех уморительною тяжбою, дурачил комедиями: за него стояли горячие головы молодежи, и король молчал; молчал и после, когда Мирабо из Сен-Венсана писал свои пламенные письма. Яркая игра

страстей кипела тогда во Франции; сильно сшибались старые и новые идеи. Старик Вольтер смеялся тихонько в своем Фернее, кутаясь в соболью шубу, которую прислала ему Екатерина, а Шуазель? Что делал Шуазель?

Он думал, что слова: все потеряно, кроме чести, должны быть его девизом. Но честь Франции для него не заключалась в благоденствии народа; он не хотел, как Генрих IV, чтобы у каждого француза была в воскресенье курица на столе, нет! Со времен Людовика XIV французы почитали честью и счастьем народа шум побед, гул, отзывавшийся повсюду в блеске их, славе, великолепии, роскоши, рыцарской вежливости; головы их кружились только от этого, и — Шуазель, трепетавший сплетней сестры своей против Дюбарри, двигал дворами Англии, Франции, России, Пруссии, Турции; умел показывать Францию душою всей европейской политики. Барон Топ укреплял Дарданеллы; с Веною говорили о дружбе и женитьбе дофина; с Петербургом хитрили; в Англию готовили высадку. Везде Шуазель извивался змеем; его агенты были всюду; молодые французы скакали по его

приказу в Америку, в Испанию, в Индию, с своими полуразвернувшимися для них самих идеями, своевољством, щегољством, ловкостью. Как переменились после того все обстоятельства! На старых картах Европы вы найдете, что тогда между землями России, Пруссии, Австрии и Турции, было сильное государство, которого теперь уже нет: его называли Королевством Польским; впрочем, это было довольно странное королевство. Народ избирал сам себе короля и не слушал его, давал ему власть и спорил с ним; назывался вольным и имел рабов. Но мы не историю пишем. Теперь вы знаете главные обстоятельства дел тогдашних, без этого былъ наша была бы непонятна. Начнем ее.

В Кракове, древней столице королей польских, у богатого воеводы — имени его не скажем — съезжалось множество гостей. Великолепные, раззолоченные кареты с шумом катились к огромному подъезду; богато убранные гайдуки, скороходы, гусары толпились на дворе и по улице; золотом облитые слуги стояли на лестнице и в передних; огромные залы, улица, сад горели в разноцветных огнях;

множество гостей наполняло уже дом воеводы. Тут было на что заглядеться: воевода давал великолепный маскарад.

Вкус, роскошь, изысканность убранства и угощения могли удивить разнообразие гостей. Тут были польские паны, и старого и нового времени: одни в своем народном костюме, в бархатных кунтушах, цветных сапогах, алых, зеленых кафтанах, с богатыми кушаками; другие в щегольских французских кафтанах, пестрых, обтянутых, с брильянтовыми пуговицами; третьи в гусарских и уланских мундирах, с золотыми и жемчужными кистями. Вместе с этою старою и новою Польшею мешались русские офицеры, в армейских, совсем не щегольских мундирах, и казацкие начальники, с нерасчесанными бородами. Были еще гости: офицеры французские и французские щеголи, распрысканные парижскими духами. Душу всего составляли польки, милые, бесценные польки. Они согласились между собою одеться в маскарад к воеводе в народный польский костюм: кто видал польские народные костюмы, тот знает, каково сердцу от этой бедовой одежды!

Казалось, что все дышало весельем, забвением настоявшего. Музыка гремела; менуэты сменялись мазурками, краковяками: тогда еще не знали вальсов и котильонов. В огромной зале ловкие молодые поляки летали в мазурках, стучали шпорами; в менуэтах отличались французы; шум, говор был повсюду. В других комнатах сидели по углам старые поляки; они мало говорили, жали только друг другу руки, чокаясь кубками с венгерским, разглаживали длинные свои усы и искоса поглядывали на русских офицеров, большею частью бездействовавших, не умевших разделить ни живости поляков в мазурках, ни ловкости французов в менуэтах. Вообще было заметно, что какая-то неприязнь разделяла русского с поляком: русские казались отчужденными от других гостей. Но они как будто не смотрели на это и ходили горделиво. Зачем и как явились в Кракове и в маскараде воеводы эти гости? Званые ли гости были они?

Вскоре должен был ударить час первого деления Польши. Мощная рука русской царицы уже очертила тогда в русскую границу обширные страны Литвы и назначила доли

Пруссии и Австрии. Екатерина умела запутать политику Польши лучше гордиева узла и знала, что в Европе не было Александра, меч которого разрубил бы узел этот. Когда король Август скончался, полякам велели выбрать Понятовского, и их горделивое: не позволял! не помогло. Поляки восставали, спорили на сеймах: им велели молчать; они не послушались, забунтовали, составили конфедерации: умели перессорить их, заставили драться друг с другом; этого мало: явился Суворов, шагал по семьсот верст в десять дней, бил везде, являлся, где его не ждали, побеждал и руками и ногами солдатскими и, учредив главную квартиру в Люблине, держался одною рукою за Сендомир, другою за Краков, расставив повсюду войска. На твердынях Краковского замка веялось русское знамя. Тогда все было кончено для поляков. Битва при Сталовичах, где погибли силы Огинского и черные гусары Коссаковского, показала полякам, что им позволяют сколько угодно говорить, веселиться, но что они не должны мешаться в дела. Приказы Бибикова из Варшавы подчиняли Польшу надзору русских. Вот почему ко-

сились польские паны на русских офицеров и молча запивали досаду свою венгерским; вот почему и русские офицеры горделиво расхаживали в краковском маскараде.

Но как и зачем попали туда французы, французские офицеры? Где ж нет французов, всемирного народа, говорящего всемирным языком, который стараются выдумать ученые, не замечая, что он давно существует? Офицеры французские пришли в Польшу по воле Шуазеля; он смотрел на Польшу, как на одно из средств, могущих остановить исполтинское увеличение сил России, и когда барон Тотт лил пушки в Стамбуле и расставлял их на Босфоре и Дарданеллах, в Польшу поскакало французское юношество, молодой, пламенный народ. Мысль Шуазеля была смелая и счастливая. Он видел, что Польша, сознавая свои силы, могла бы обновить век Собиеского, и думал, что надобно только вырубить туда несколько искр, которые соединили бы готовые материалы в сильном огне. Кто лучше молодых, пламенных французов мог воспламенить эту землю рыцарей и красавиц? Поход в Польшу казался юношам

французским крестовым походом; война в диких сарматских лесах, среди снегов Литвы, являлась чем-то поэтическим. Поляки с восторгом встретили гостей: старые паны пили с ними, польки танцевали, молодые поляки дружились и братски, рука в руку, пускались в поиски на русских, и рубились на отличие друг перед другом. Но никто не знал, за что и как сражаться. Шли на битву, как на пир, гарцевали, щеголяли, и — от горсти русских бежали блестящие войска Пулавских, Новицких, Коссаковских и союзников их! Екатерина смеялась замыслам Шуазеля: она хорошо знала состояние Польши, так хорошо, что не хотела даже сердиться на французов; шутя писала обо всем этом к Вольтеру и объявила, что она не имеет войны с Франциею. Французы были пришельцы, вольница, по словам Шуазеля, и их считали гостями и конфедераты, и королевские поляки. Беспечность, веселость делали их притом всюду гостями любимыми. Среди блестящего маскарада краковского заметнее других был молодой французский полковник. Лицо его не отличалось ни красотою, ни выразительностью, но кто рас-

смастривал его, тот на лице юноши, закаленном в зное полуденных стран, замечал многое. Все доказывало в нем человека, готового, но еще не вызванного на сильные страсти. Это был — Дюмурье: вы знаете это имя? Восемнадцать лет он был уже в рядах воинских, потом странствовал по Испании, Португалии; душа его искала новых впечатлений в отчизне Руссо и среди диких скал Корсики. Тридцать лет едва совершилось ему, как Шуазель отправил его в Польшу. Здесь сражался он уже два года с хитростью австрийской дипломатики, с умом Екатерины, воинским гением Суворова, дикой волею поляков, везде был побеждаем и еще не терял надежды. Но теперь, среди веселья и шумной радости, Дюмурье казался так мрачен, так задумчив, что люди, знавшие его, дивились этому и не понимали причины. Он весело хаживал в бой, когда ничто не могло уверить его в победе. Теперь, на веселом пиру, сложив руки, устремив неподвижные глаза на пестрые толпы гостей воеводы, Дюмурье сидел в углу и молчал. Важные думы, казалось, затемняли его всегда светлый взор. Он встал наконец, тихими ша-

гами прошел через все залы, на садовую террасу, сошел по ней и тихо направил шаги свои по большой садовой аллее.

Но он не успел дойти до конца аллеи, как с ним встретился молодой французский офицер: это был полковник Шуази. В беспорядке, со всеми признаками досады Шуази шел не глядя вперед и столкнулся с Дюмурье.

— Ты с ума сошел, Шуази, — сказал ему Дюмурье, усмехаясь, — толкаешь и не извиняешься.

— Прости меня, Дюмурье, — отвечал Шуази с досадою. — Но если бы тут стоял русский солдат с штыком, я наткнулся бы на него: я сам не вижу, куда бегу!..

— Скажи лучше: не знаешь, от чего бежишь.

— В моем словаре нет таких слов. Я ни от кого не бегал в жизнь мою.

— Что с тобою сделалось?

— Ты не поймешь меня!

— Говори.

— Что сказать тебе? Я скрываюсь от самого себя.

Дюмурье усмехнулся опять. Он взял Шуази

за руку и сказал ему дружески:

— Я понимаю тебя.

— Стыжусь, если понимаешь! — вскричал Шуази.

— Вижу ясно: потомок французских рыцарей не забывает, что любовь и шпага были всегда девизом отцов его.

— Так! — вскричал Шуази. — И могу ли не беситься, что шпаге моей нечего делать здесь, а сердцу работа бесконечная.

— Не голове ли, скажи лучше?

— Нет, нет! Только при дворе нашего Людовика любят головою и думают сердцем, а здесь...

— А здесь любят сердцем, а головою хотят пробить стену, не давая ей труда рассуждать о чем-нибудь?

— Рассудительный Дюмурье принимает на себя труд думать за всех нас, — сказал Шуази с досадою.

— Рассудительный Дюмурье предоставляет этот труд вашему Виоменилю и завтра же удалится, отдавая вам и союзникам вашим полную свободу.

— Что ты говоришь?

— Ничего, я получил повеление короля и — отправлюсь в Швецию; Виомениль примет на себя все мои здешние заботы.

— Слава богу! — вскричал Шуази. — Слава богу! Дюмурье! Расстанемся ж друзьями: я не узнавал, разлюбил тебя с самого приезда в Польшу. Ты ли тот Дюмурье, с которым мы некогда сражались рядом?

— Где? На том острове, который, по словам твоего любимца, медведя Руссо, удивит всю Европу?

— Да, в Корсике, но в Польше ты сделался дипломатом, учеником Кауницов и Шуазелей...

— Право? Видно, Эмилия оставила еще местечко в голове твоей, на котором твой разум вздумал рассуждать...

— О, Дюмурье! Не тронь святого чувства моего к Эмилии! Я скорее соглашусь, что твоя мудрая, твоя премудрая политика лучше наших шпаг поможет Польше, но любовь к Эмилии такое сокровище, которого не отдам я на насмешки ни тебе и никакому другому мудрецу!

— Где ж любовь твоя к Каролине?

— Ветреность, шалость!

— А прелестная корсиканская Евгения?

— Дикарка, которая сожгла было мою голову!

— А герцогиня Эгильон?

— Кокетка, презренная женщина... Но замолчи, ради своей мудрости! Ты лучше моего духовника помнишь все глупости, сделанные с начала мира.

Шуази оставил Дюмурье и побежал к дому. Дюмурье, качая головою, пошел далее по аллее.

Эмилия, о которой так жарко говорил Шуази, была жена воеводы, пламенная, с огненными глазами полька, одна из первых красавиц Польши. Шуази был от нее без ума, но сердце Эмилии отвечало ли пламенной страсти парижского красавца? Не знаю и продолжаю рассказывать.

В это время Эмилия, утомленная танцами, отказалась от мазурки и отдыхала на раззолоченных креслах в боковой зале. Народ ходил взад и вперед по комнатам, и из толпы проходящих вдруг выдвинулась высокая, сухая фигура краковского коменданта, русского пол-

ковника; фигура эта, бряча драгунскою саблею и огромными шпорами, крепко прижав драгунскую шляпу под мышкою, маршировала к креслам Эмилии.

— Отдыхаете, прекрасная Эмилия, — сказал комендант, "становясь перед красавицею, чинно, стройно, как пред командиром, и придерживая длинную свою саблю, — или вздыхаете?

— О чем же мне вздыхать, полковник? Здесь так весело...

— Я думаю, — отвечал комендант, садясь в кресла, стоявшие подле Эмилиных кресел, — что тот был бы счастлив, о котором вы благоволили бы вздыхать, и что теперь, может быть, некто вздыхает на этой веселой пирушке.

— Жалею, если есть такие бедняки...

— Нет, не бедняки они, прелестная, но надмеру жестокая, или, лучше сказать, столько же прекрасная, сколько жестокая Эмилия, не бедняки, а молодцы, во всем исправные, бывшие, может быть, и под прусскими пушками и видевшие осаду Кобрина...

— Ах! Боже мой! — сказала с досадою Эми-

лия. — Вы опять хотите рассказывать мне об этом Кобрине... — Казалось, что бесконечная речь коменданта ужаснула красавицу.

— Об этом Кобрине? Я уже сказал вам, прелестная Эмилия, жестокая Эмилия, что такие речи, непочтительные и невежливые, касательно прусского похода, где войска русские покрыли себя бессмертною славою и где многие имели честь отличиться так, что иному и в голову не придет...

— Полковник! Что вам угодно мне сказать? Я совсем не думала трогать чести ваших солдат...

— Что мне угодно, прелестная владычица? Можете ли вы отвергать еще этот пламень сердца, который столько крат изъяснял я вам...

— Я просила вас перестать говорить об этом мышьем огне...

— Мышьем огне! — вскричал комендант с сердцем.

Эмилия испугалась его голоса:

— Так называю я всякую любовь, полковник.

— А не мою, надеюсь... — И лицо его ис-

кривилось в нелепой усмешке.

— Полковник! — сказала Эмилия в замешательстве. — Я не понимаю любви вашей...

— Вы очень ее понимаете, горделивая красавица, и принудите меня заставить вас понимать ее еще лучше. Как вам покажется, примером так сказать, если я донесу вам, что Понинский пойман...

— Боже! — вскричала Эмилия, бледнея. — И участь его...

— В моих руках. Завтра, если вы хотите, он убежит из крепости, или — будет расстрелян...

— Человек ли вы, полковник? И вы можете говорить об участи доброго моего родственника, моего благодетеля, старика, теперь, мне... подите; любовь ваша мне ужасна...

— Участь Понинского никому еще не известна, кроме меня, и — смею уверить, что никто не вырвет его из рук моих, — сказал комендант, горделиво опираясь на саблю, — никто! Как военный человек, я умею пользоваться обстоятельствами, сражаться хитростью и силою, и многого ли требую я? Одного

поцелуя вашего, Эмилия! За каждую голову польскую по одному поцелую...

— Вы становитесь бесстыдны! — вскричала Эмилия, вставая с кресел. Комендант схватил ее за руку; она затрепетала.

— Слушайте же последнее слово мое! — сказал он, шевеля с досады длинными своими усами. — Краков мой; я все знаю, и может быть, самый муж ваш кончит сегодняшней маскарад в тюрьме, если взор ваш... (он усиливался придать лицу своему улыбку) не ободрит моей страсти...

— Сабля воеводы будет отвечать вам на ваше бесстыдство! — вскричала Эмилия и бросилась бежать из зала. Долго смотрел вслед ее комендант и, значительно покачав головою, замаршировал в ту комнату, где расставлены были карточные столы.

Никогда не была Эмилия так прелестна. Может быть, в первый раз не мелкие страсти одушевили ее прекрасное лицо. Оскорбленная гордость, горесть при опасности человека, с детства ею любимого, — все зажгло лицо Эмилии сильными чувствами. В отдаленной комнате скрылась она и там, бросаясь на пыш-

ный восточный диван, хотела вздохнуть свободно. Несколько рабынь прибежало к ней, она прогнала их и осталась одна. Комнату, обитую драгоценным алым сукном, освещала одна лампа, отражая умирающий свет огня в огромных зеркалах. Издалека долетали сюда звуки музыки и шум веселых гостей. Это раздирало теперь сердце Эмилии, и слезы полились градом из глаз ее.

Кто-то мелькнул в зеркале... Эмилия испугалась, но через минуту ярче вспыхнули щеки ее: перед нею был Шуази.

— Эмилия! — вскричал он. — Что с вами случилось? Боже! Вы заставляете меня трепетать...

— Шуази! Я погибла...

— Вы! Скажите, ради бога...

— Я не знаю, какие умыслы таились в душе моего мужа, но русский комендант ужаснул меня известием, что он открыл их и что жизнь мужа моего в опасности.

— Открыл? Сделайте милость, говорите, говорите...

— Что могу сказать вам? Я не знаю, что такое открыло это усатое чудовище, человек, со-

зданный на гибель мою...

— Он вас беспокоит, Эмилия?

— Беспокоит? Какое слово! Ненавистное чувство ведет его теперь к злодейству... Понинский, мой дядя, мой благодетель, скрывавшийся донине от русских... у него в руках.

— Понинский! Что я слышу!

— Так, вижу все, Шуази! Вам известны были какие-то тайные планы, о которых пора бы всем вам забыть. И под пушками ли русскими затевать новые бедствия отечества нашего...

— Эмилия! Вы и слава! Вот все, для чего живу я! Так, я знал новые планы пана воеводы и конфедератов и никогда не одобрял их: тайное мщение врагу не мое мщение; бой рука на руку, открытый бой... но судьба влечет меня чудными путями. Решено! я вступаю в эти планы; другие думали, я — нанесу решительный удар!.. Но скажите, Эмилия, что с вами, сделалось: вы оскорблены?

— Бесстыдный комендант становился беспрерывно наглее и теперь, самым дерзким образом, осмелился говорить мне о своей любви... говорить, и сказать... — Эмилия заплака-

ла.

— Эмилия! — вскричал Шуази. — Кончите!

— Цена жизни Понинского определена, а я — не умираю...

— Он погибнет! — вскричал Шуази и бросился вон, но остановился... — Нет! — сказал скоро Шуази. — Голова моя кружится... Эмилия! так... решено: клянусь у ног ваших, что чудовище погибнет, но не один... пусть гордится предводитель их, этот Суворов, — твое одно слово, Эмилия, — и Шуази покажет свету, как одно слово женщины восстановляло царства... Эмилия! я могу погибнуть... До сих пор никогда не говорил я тебе... Ты услышишь имя мое или с вершины славы, или из гроба: я люблю тебя...

— Шуази! Остановитесь...

— Нет! Не могу и не должей. Я ничего не требую, не требую твоего сердца, но вспомни обо мне, когда меня не будет!

Он с жаром прижал ее руку к губам своим и убежал из комнаты.

Дюмурье обошел между тем кругом весь сад и, по-прежнему задумчивый, возвращался по отдаленной темной аллее, когда услышал

в стороне глухой говор и заметил несколько человек. Ему показалось, что там мелькали французские мундиры. Он обратился туда. Обнаженная шпага блеснула из деревьев. "Ни с места! — сказал кто-то тихим голосом. — Или ты погиб!" Дюмурье узнал голос одного из молодых французов.

— Это я, — отвечал он.

— Вы, Дюмурье? Вы можете идти!

Изумленный Дюмурье пошел далее; несколько французских офицеров, Виомениль и Шуази были тут. Шуази с жаром говорил что-то. Вдруг протянул он руку, и с радостным криком правые руки всех ударились в его руку. "Кончено!" — вскричал Шуази.

— Вот и старый начальник наш, — сказал Шуази, смеясь и указывая на Дюмурье, подошедшего к нему. — Ради бога, Дюмурье, без советов!

— На что тратить советы, — отвечал Дюмурье, — когда их не требуют. Но другу и товарищу скажете ли вы, что хотите делать?

— Охотно, — сказал Виомениль, — Ты считал польскую конфедерацию погибшею?

— И теперь так думаю...

— Ты ошибся: всюду готовы новые конфедераты; они ждут только знака; вельможные паны везде готовят снова деньги и людей...

— Чтобы опять бегать перед русскими штыками, как все прежние знаменитые наездники их...

— Слушай! тайна новой конфедерации составлена была Понинским.

— Понинским? Но я слышал, что он скрылся за границу?

— Да, он умел хитрить, чего не умеет делать ни один поляк, но проклятая хвастливость польская погубила его; теперь он — в руках здешнего коменданта, все открыто будет завтра, и тогда новая конфедерация наша лопнет как мыльный пузырь!

— Чего ж вам еще?

— Завтра! — вскричал Шуази. — Но до завтра знамя польское завееется на замке Краковском! Дюмурье! Хочешь ли с нами?

— Зачем, куда? Осаждать Краков нашими шпагами, когда в замке триста человек гарнизона и тысяча человек стоит в городе?

— Да, да, но не осаждать, а взять... Краков наш, знак подан, все возмущается, испуган-

ные русские бегут, конфедераты нападают на Суворова, Варшава бунтует, союзники ссорятся, и — Польша спасена...

— Шуази! Ты помешался! Краков ваш! Как, где? Суворов побежден! Чем?

— Один удар решительный, и все это будет! Тайну, как взять Краков, мы тебе не скажем. Суворов в двухстах верстах и будет разбит, когда взятие Кракова подымет дух поляков, разбит, не успевши услышать, что Краков уже в руках наших... Но нам нечего мешкать: Понинский пойман и теперь в замке... Пойдем, товарищи. Дюмурье! одно условие: тайна!

— Шуази, Виомениль, друзья мои! остановитесь! Ты начальник теперь, Виомениль: подумай...

— Поздно! — сказал Виомениль. — Уже полгода готовил я все, и только Шуази не соглашался, а теперь сам он бежит в огонь и в воду и придумал такой план, что ежели через час Краков не будет взят нами, назови меня дураком и трусом!

— Любовь и слава! — вскричал Шуази. — К делу, к делу!

Они побежали, смеясь, насвистывая менуэты, и скрылись вдали.

— О мое отечество! — сказал Дюмурье. — Чего не сделало бы ты, если бы нашелся человек, могущий думать за всех их! Каких бедствий не навлекают на тебя ветреность, шалости твоих детей... Но, будь человек... Так: он явится, явится, и Европа изумится гению Франции... Он... — С сим словом взор Дюмурье заблестал. — Не здесь ему действовать, по власти придворного дурачась с безрассудными поляками и по власти королевской любовницы сменяясь с важного места своего, не здесь, а там, в Париже, где кипят теперь страсти и сулят в будущем дивное и великое! — Как будто опомнился тогда Дюмурье. — ...Что хотят, однако ж, они сделать теперь, безрассудные? Пойдем, узнаем, спасем их!..

Дюмурье поспешно вошел в дом воеводы. Долговременное отсутствие его не было никем замечено. Пир сделался уже самый шумный, и головы гостей, разгоряченные винами, разговорами, танцами, были в самом сильном разгуле. Танцы становились нестройнее и живее; вино лилось рекою; нескромные то-

сты уже прорывались у поляков. "Kochałmu sie!" [1] — кричали в одном углу, обнимаясь и через руки выливая друг в друга вино; самые казацкие офицеры пили тут же и повторяли тосты; многие гости спали уже по углам; к музыке мазурок прибавлялись песни. Дюмурье искал Шуази и Виомениля: их не было нигде. Он бродил из комнаты в комнату с беспокойным ожиданием. В той зале, где поставлены были игорные столы, толпа народа шумела в беспорядке. Игроки сидели, стояли вокруг столов, на которых кучами лежало золото. Сам воевода отгребал, запачканный мелом, груды червонцев и пил; подле другого стола сидел русский комендант, разгоряченный вином, сердился, играл, выигрывал, радовался и, казалось, забыл и любовь, и должность свою.

В шуме и смятении было все, когда Шуази вдруг вбежал в эту залу, в беспорядке, с радостным лицом и сверкающими глазами. Дюмурье никогда не видал его в таком странном состоянии, хотел остановить, но не успел. Как вихрь, быстро Шуази бросился к коменданту, сел подле него и сильно ударил его по плечу.

— Кто смеет так дерзко шутить? — вскричал комендант, вскочив с места.

— Старый ваш приятель, господин драгун! — отвечал Шуази беспечно. — Вы в выигрыше, поделимте-с!

— Вы оскорбляете меня, господин Шуази, меня, человека, который не боялся прусских пушек и презирает...

— Не французских ли полковников, хотите вы сказать? — вскричал Шуази, поднимаясь с места. — Но берегитесь оканчивать ваше хвастовство таким образом!

— Нимало не мыслил я этого, — сказал комендант, струсив приметно, — но ваша дерзость, или — извините — непринужденность вашего обращения, так странна — или, смею сказать, то есть...

— Без предисловий: будем друзьями! — Шуази крепко обнял коменданта. — Здесь все друзья, и кто думает зло, пусть тот сам погибнет прежде других!

Комендант пожался от крепкого объятия Шуази, сам обнял его и обратился к банку. "Выиграла!" — вскричал он и потащил к себе несколько червонцев, ибо между тем игра не

прекращалась.

— Va banque! — вскричал Шуази, и комендант испугался его голоса.

— Va banque, господин полковник! — повторил Шуази. Разгоряченный вином, комендант стал играть. Шуази выиграл, и, скупой, но страстный охотник до игры, комендант кинул в бешенстве карты.

Громкий смех Шуази был ему ответом:

— Как! Я выиграл? — вскричал он. — И вы дорожите моим выигрышем? Смелее, смелее: на Краковский замок! Бейте карту: или я, или вы комендантом в замке; скорее!

— Шутка неприличная, — сказал смеясь комендант, — и негодная. Но посмотрите, что я сделаю, давайте: или весь банк мой, или я сдаю вам замок!

— Bravo! — вскричало множество голосов; отсюда стеснился к столу народ. Карты перекинуты; Шуази выиграл.

— Мой Краков! — закричал он с громким смехом.

— Вы дурачите меня, заставляете дурачиться заслуженного офицера! — заговорил комендант сердито.

— Тебя дурачить? — отвечал Шуази. — Тебя, когда ты дурак с роду?

— Ты смеешь мне говорить! — загремел комендант, потеряв все терпение. Стол полетел вверх ногами; карты рассыпались; червонцы зазвенели и покатались по полу.

— Отдай мне Краков и убирайся к своему Суворову! — вскричал Шуази, принимаясь за шпагу. — За Краков, за Понинского, за ту, которую ты оскорбил, я плачу тебе — смотри!..

Шуази подбежал к растворенному окну и выстрелил из пистолета. Вдруг со стен Краковского замка сверкнул огонь и раздался пушечный выстрел, другой, третий, четвертый! Гул покотился по Висле.

Весь хмель прошел у коменданта:

— Что это? Где я? — вскричал он. — Измена!

Все пришло в смятение; все бросились к окошкам и при блеске пушечных выстрелов увидели польское знамя на месте русского. Воевода, гости, паны, паньи забегали по залам.

— Комендант! Вашу шпагу; вы мой пленник! — сказал важно Шуази, и робко повинно-

вался комендант, изумленный и не знавший, что с ним делается.

И никто не знал, что такое случилось в замке и в городе. Жители, пробужденные выстрелами, выбегали из домов, спрашивали друг у друга, отвечали, сами не зная что. Может быть, и читателям нашим не совсем понятно все, что мы рассказали. Но не так ли в свете, не так ли на деле бывает? Когда Москва горела в глазах наших, когда после того Наполеон бежал с своими полчищами, что мы понимали в этих чудных делах? Мы следуем в точности обычаю нынешних романтических историков: изображаем событие как оно было, как оно представлялось глазам очевидцев его. Развязка объяснит тайну. Где искать развязки? Время покажет нам. Оставим покамест шумный краковский маскарад, оставим Краков и перенесемся совершенно в другое место, посмотрим совершенно на других героев нашей были. До сих пор была наша походила на романическую фантазмагорию, теперь мы начнем историческую часть ее.

* * *

Верст не двести, как думал Шуази, но не

более ста от Кракова, в большом селении находилась квартира корпуса русских войск, которым начальствовал Суворов. Тут, в старом господском доме, жил будущий победитель при Рымнике и Требии, будущий покоритель Измаила, еще средних лет человек, только генерал-майор и не граф, не князь италийский, но уже отличившийся в Пруссии, Польше, Финляндии, уже известный своими странностями, лаконизмом и прыжками.

Было еще весьма рано, а Суворов уже встал, окатился на дворе холодной водою и, попрыгивая на одной ноге, убежал к себе в комнату. Вдруг прискакал к крыльцу дома драгун на лошади, едва дышащей от усталости, спросил Суворова и бросился в комнату.

В передней его остановили два гренадира. "Кого тебе?" — спрашивали они. "Генерала Суворова, скорее, важная штафета!" — отвечал драгун. "И думать не смей, чтобы мы тебя пустили". — "Штафета из Кракова, говорю вам!" — "Хоть бы из Варшавы; погоди".

Тут из внутренней комнаты раздался тоненький голос: "На молитву!" Двери в переднюю растворились; гренадиры вытянулись в

струнку, и драгун увидел в ближней комнате человека не высокого, сухощавого, лысого, в синей куртке и белых панталонах. По обеим сторонам в комнате стояло несколько офицеров. Высокий гренадир держал молитвенник. "Читай, Тишка, да разумеи, что читаешь!" — сказал человек в синей куртке: это был сам Суворов. Он благоговейно стал против образа, запел: "Миром господу помолимся!" и начал класть земные поклоны. Все следовали его примеру. Гренадир читал густым басом молитвы. Когда молитвы были прочитаны, Суворов продолжал молиться: "Спаси господи матушку императрицу, наследника, августейший дом!", "Спаси господи православное, русское воинство!", "Спаси господи всех православных христиан".

Он оборотился потом к офицерам: "Добрый день, добрый день, добрый ли будет, увидим, а теперь..." Он обводил быстрыми своими глазами всех присутствовавших, и глаза его остановились на приехавшем драгуне.

— Что ты, удалец? Ты из Кракова, как видно по мундиру?

— Точно так, ваше превосходительство;

штафетой к вам.

— Эстафетой? А что тебе попритчилось! Видишь, какой народ? Эстафету к Суворову... Что? Чай, у коменданта каша сплыла? А?

— В Кракове не благополучно.

— Что? Комендант сухарей объелся?

— Никак нет; Краков захватили поляки.

Суворов отскочил на три шага и крепко ударился в толстого майора; тот заохал; Суворов прыгнул в другую сторону и уставил глаза на ушибленного воина.

— Вот тебе раз: тут солдатское брюхо дорожку загородило, а там Краков взяли... а там народ одурел! Эй ты, солдат, одурел ты, что ли? — спросил Суворов драгуна.

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Давай бумагу! — Суворов вырвал пакет из рук его, сорвал печать, читал скоро и говорил читая:

— "Сим честь имею донести..." Честь! Экая честь! Спасибо, что учтив — дипломатика, архиплутика! "Честь имею донести, что нечаянною оказиею вчерашний день неприятель овладел Краковским замком..." Нечаянною, чаянною, отчаянною! Дурак, дурак! будто у

солдата есть нечаянное? У солдата три уха: втрое слышит; шесть глаз: втрое видит. "Овладел Краковским замком, и войска наши ретировались в беспорядке из города..." Ретировались! Русские ретировались! Ах! Съел ты меня, да и с косточками! — Он смял письмо руками, но успокоился, расправил и продолжал: — "Из города. Сильные партии поляков собираются в город, и мы ждем диспозиций ваших". Диспозиций, экскузаций... Я вас, я вас... — Он затопал ногами с притворным гневом. Все офицеры молчали.

Суворов обратился к драгуну:

— Сюда! — вскричал он. Драгун сделал несколько шагов. — Стой браво и отвечай, да не ври!

— Слушаю-с!

— Кем взят Краков?

— Не умею вам этого сказать.

— Как взят Краков?

— Не могу знать!

— Не можешь знать? — закричал Суворов. — Немогузнайка? Дрянь, дрянь, не русский! Вот чему их научили ксендзы да бабы... Так, так! немогузнайка, намека, загадка,

лживка, лукавка, краснословка, краткотовка, двулична, вежливка! От немогузнайки всегда беды; кличка такая, что бестолково и выговоришь! Солдат тогда солдат, когда здоров, храбр, тверд, решителен, правдив, благочестив. — В это время Суворов бегал и прыгал по комнате.

— Генерал Суворов сердится без толку, — сказал громко один офицер. Суворов остановился.

— Генерал Суворов не знает, как говорить с солдатом: просто, без дипломатики, не по допросу, не по вопросам, заставь рассказывать, а сам смекай.

Суворов подскочил к офицеру, засмеялся, ударил его по плечу и сказал: "Умен, умен!" — потом спокойно оборотился к драгуну и сказал ему:

— Расскажи все.

— Мы были по квартирам, — начал драгун. — У пана воеводы был назначен большой мушкарад; я обходил смену, когда гости к нему отвсюду съезжались; вечером был я в замке, где было все исправно; ночью разбудили нас, сказали: неприятель в Кракове; мы

все вскочили, собрались, и нам велели ретироваться. Нас всего собралось с два баталиона, и те расстроены, никто нас не преследовал, а начальника с нами не было, он, говорят, в плену.

Суворов молча дал знак, чтобы все вышли, и все повиновались. Остался только тот офицер, который напомнил ему, что он сердится без толку.

Вид и разговор Суворова мгновенно изменились, когда Суворов остался вдвоем с этим офицером. Суворов перестал прыгать, лицо его сделалось важно, сурово. Он тихо пошел в другую комнату, куда следовал за ним и офицер. Там, на пребольшем столе, раскрыта была подробная карта Польши, лежало множество книг, бумаг. Молча сел Суворов за стол и глядел внимательно на карту. Начался следующий разговор.

— Если это не глупая шутка, если они не сошли все с ума, то я вовсе не понимаю, как это сделалось. Конфедератов во всей Польше нет нисколько. Волынь наша, в Варшаве тихо, в Кракове было тысяча триста человек наших и ни крошечки конфедератского. Разве Бра-

ницкий? Да он наш. Что слышно по тайным?

— Ничего совершенно, поляки сидят смиренно, без денег, без оружия.

— Откуда ж они выскочили в Краков? Этот немец комендант давно мне сидел на шее: глуп, глуп, до господи упаси! Его Иван Иванович Веймарн избаловал переписками с ним на иностранных языках. Он с принятия полка шпаги из ножен не вынимал. Не хотел я ловить даваемые мне уведомления, что он спит в Кракове, а каков поп, таков и приход...

— Австрийцы все еще продолжают толковать да переговаривать, разве тут ваше прев<осходительство> что-нибудь... — Я писал уж к Александру Ильичу [2], что "я человек добрый, отпору дать не умею; боюсь соседей-иезуитов. Честный человек, со сретенья дня не разувался... Хм! Что я у тебя, батюшка, за политик стал? Да пришли другого; черт ли сними сговорит..."

— Видите ли, в<аше> прев<осходительство>, что счастье есть на свете, есть и удача? Вы тут думаете, а там глупость портит, и удача является.

— Так от счастья ли она является? Нет! От

глупости других. Счастье — ослиная голова в армии... Недорубленный лес опять вырастает: надобно дорубить... Ох! Политика, политика! В три марша смять бы дипломатику, критику, политику... Вот ты увидишь теперь, что я сделаю! У Фортуны голова стриженная, только на лбу длинный хохол... Умный человек, — прибавил Суворов, смеясь, — всегда за этот хохол умеет ухватиться... Только быстро, быстро... Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь, налети... Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову грянь, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться! Кто испуган, тот побежден вполтину; у страха глаза большие: один за десятерых покажется...

Лицо Суворова было оживлено, взоры его сверкали. Е изумлении стоял перед ним офицер и невольно воскликнул:

— Бог создал вас героем, генерал! С вами, с вами — и орлы наши тотчас зацеплют польского петуха...

— Тс! тише! — отвечал Суворов. — Не вы-

болтай меня! Ты русский: я перед тобой в рубашке, а перед другими в шубе, в тулупе, в халате, в мундире. Слушай: краковская эта свалка — вздор! Я понимаю, бабы, ксендзы испугали ворону, она куста боится. Тотчас три полка в поход; Браницкого к Кракову; людей на подводы, на лошадей; дать полный шаг, солдатский шаг... Драгуна спрячь; селение это окружи, чтобы никто не смел выйти; стрелять, кто слушается, впускать всех, выпускать никого, чтобы муха не прожужжала, где я и куда я!

— Не нужно ли разведать, распорядиться...

— Ничего, ничего! Помнишь в Казимирже: иду один, бежит целый эскадрон и забежал в сарай — я запираю двери, кричу: пардон! А это были лучшие уланы Сабы! Помнишь в Замостье...

— Помню, что Суворов непобедим!

— Ну, боже тебя благослови! — Суворов перекрестил офицера, подошел к маленькому шкафчику, вынул бутылочку, маленькую рюмку, налил, выпил и сел писать.

* * *

Через два часа все было готово: войска стояли под ружьем; подводы, лошади были ис-

правлены; на четыре дороги поскакали передовые, ибо Суворов никому не сказывал, по которой дороге пойдут войска.

Немедленно к войскам явился сам Суворов. Он был в полном мундире, лентах, звездах, крестах. Вокруг него собрались офицеры. Он подошел к рядам солдат, поздоровался и сказал, смотря на ряды:

— Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты, солдат стоит стрелкою, четвертого вижу, пятого не вижу! Bravo!

Видимый восторг оживлял солдат. Вид Суворова был прост, добр, ласков. Он пошел по рядам, называл по именам многих, наконец, громко воскликнул:

— Умирай за дом богородицы, дети! За матушку-царицу, за пресветлейший дом. — Слезы блеснули в глазах его... — Церковь бога молит... а кто остался жив, тому честь и слава!

— Отец командир! вели, батюшка наш! Рады стараться! — кричали солдаты.

Стоя в кругу своих офицеров, громко начал говорить Суворов:

— В приказе есть, кто остается; я — иду сам. Слушать! Артиллерия полверсты вперед,

спускам не мешает; гуляй, играй, пой песни, бей в барабан. Десяток верст отломал — первый взвод снимай, вещи, ложись; за ним второй взвод, и так взвод за взводом, первые задних не жди. Отдых три четверти часа, полчаса, четверть часа, чтобы ребята к кашам поспевали... Ура! вперед! Я теперь ваш, не генерал, не генерал, солдат, солдат! — Он побежал в свою квартиру, войска двинулись; через четверть часа Суворов, в куртке, в дедовской шинели, скакал перед ними. С прямого пути повернули в сторону, перешли на другую дорожку, потом на третью; по всем четырем дорогам шли авангарды.

* * *

— Этот Шуази бесов сын! — сказал воевода, сидя в своих краковских палатах, окруженный толпою польских панов, французских офицеров и рабов. — Выпьем за его здоровье! Где теперь он?

— Он проводил панью воеводшу до первой расстани, а теперь в замке.

— Придумать все это дело, пройти ночью в замок, захватить русских, смять, прогнать...

— Не велик подвиг, — отвечал один ста-

рый пан, заглаживая ус свой, — прокрасться в замок, испугать, застать сонных и потом пугнуть сонных из города. Но мы что сделаем теперь — вот удивится целый мир! Мы загарцуем, завоюем — войска пойдут отсюда... но, воевода, пора за дело! Вот уже третий день мы пируем взятие Кракова и спорим. Дело, правда, важное, и по вольности нашего не позволял решить его трудно; однако ж мы ничего еще и не решили.

— Дай подумать. Медленность есть премудрость. Суворов, наверное, испугался, в Варшаве испугались...

— А ты зачем отпустил папью воеводшу? Испугался?

— Нет! Но тут засвистят пули, загремят сабли, панья моя трусит, и Шуази вразумил меня, что ей надобно уехать в дальние поместья. Завтра провозгласим новую конфедерацию, поставим знамена, закричим: "Да здравствует Польша!" и пойдём сперва на Суворова, разобьем его, а там и на Варшаву...

Мудрые распоряжения воеводы всем понравились. Началась новая попойка, как вдруг неожиданный шум по улицам и смяте-

ние в городе встревожили пирующих: "Русские!" — вскричал молодой пан, вбежавши в залу. "Суворов!" — закричал другой, бежавший за ним.

— Русские, Суворов] — заревело пятьдесят голосов.

— Вздор! Откуда? — кричали другие.

— Вчера он пустился с места, а сегодня в пяти верстах от Кракова, пробрался околицами, где никто и не ждал его. Он окружил нас, он требует к себе всех панов; из замка сделана была вылазка, но передовые отряды русских ударили в штыки и отбили. Слышите барабанный бой: русские в городе!

— А ты, пан воевода, затевал конфедерацию! — вскричал с сердцем один собеседник. Пан воевода повесил голову и не знал, что сказать.

"Скорее до дому!" — "В замок, за сабли!" — "К Суворову скорее!" — "Польша восторжествует!" — "Убирайся с Польшею!"... Таковы были разнообразные голоса собеседников, и через минуту все разбежалось, кто куда успел; многие забыли свои сабли, шапки. С одной стороны входили в Краков русские сол-

даты; с другой бежали из Кракова съехавшиеся поляки и французы, тут бывшие; народ бежал толпами смотреть на русских. Между тем в Краковском замке все ворота были заперты. Никто не знал, где Шуази и Виомениль, кто заперся в замке, много ли там защитников. Суворов не велел трогать никого, не велел никого удерживать, кто бежит из города. Через несколько часов Краков был занят русскими спокойно, и никаких следов минувшего события не было, кроме польских знамен, развевавшихся на замке Краковском, и запертых ворот Краковского замка.

Кто же там заперся? Как это сделалось? Суворов строго разыскивал, расспрашивал и узнал все подробности. Несмотря на всеобщее падение конфедераций, искры все еще таились под пеплом, и Виомениль, заступивший место Дюмурье, тайно подкреплял, ободрял всех. Поляки требовали решительного поступка, который обнадежил бы их. Простота и любовь коменданта давали средства скрывать заговоры и сноситься с жившими в замке Краковском. Нечаянное открытие Понинского, у которого был ключ к заговору, заста-

вило поспешить исполнением. В то время, как русские пировали у воеводы, смелый Шуази захватил замок; гарнизон сдался; коменданта захватили на пиру; испуганные войска, в беспорядке квартировавшие в городе, удалились с замешательством. Но, овладев городом и замком, паны гуляли, пили, спорили; другие собирались, хвастали; третьи хотели посмотреть: не было ни денег, ни войск, а на третий день Суворов был уже близ Кракова, и — все бежало, рассеивалось, трепетало или спешило бить челом неизбежному вождю русских. Только одного не могли изъяснить Суворову: как пробрались французы в замок? Он объехал замок кругом, смотрел внимательно, остановился против одной башни, долго глядел и, наконец, сказал смеясь: "Удальцы, удалцы! плуты, помилуй бог! плуты!.." Суворов угадал тайну взятия замка.

Немедленно потребовал он сдачи замка. Парламентера не пустили в замок. Началась перестрелка. Артиллерии не было у русских; Суворов не думал долго: он велел готовиться на приступ. Войска приготовились, забили в барабаны и с криком: ура! устремились к зам-

ку. Тотчас выставлено было на стене белое знамя. Тогда начались переговоры; гарнизон требовал свободного отпуска, обещая разойтись и не сражаться с русскими. Суворов обещал, и вот — тяжелые ворота древнего обиталища королей польских растворились. В виду Суворова и выстроившихся в ряды воинов русских, вышел русский комендант замка, с бывшим своим гарнизоном; все безоружные. "Бабы!" — закричал Суворов, не позволил приблизиться к себе и велел им идти в лагерь под Краковом, где готов уже был военный суд.

Раздался барабанный бой. Шел Шуази и с ним Виомениль, горделиво, смело, с знаменами, а за ними — человек пятьдесят французов и поляков вооруженных. Потом толпа безоружных: ксендзов, панов, жителей Кракова, убежавших в замок.

— Стой! — закричал Суворов, и небольшой отряд Виомениля остановился. Шуази подошел к Суворову.

— Договора не изменяю, — сказал Суворов, — но есть ошибка.

— Какая, генерал? — спросил Шуази.

— Не в те ворота идете, полковник, изволь-

те воротиться назад!

— Как? Что это значит?

— Ничего, полковник! Вы должны выйти в те ворота, которыми вошли в замок.

— Вы нарушаете ваше слово.

— Нимало. Зачем не договорились вы, чтобы вас выпустить из замка именно теми воротами, которыми вам будет угодно?

— Генерал! — вскричал Шуази горячо...

— О! Прошу без горячки! — отвечал Суворов хладнокровно. — Или — еще одно слово, и я велю стрелять по вас. Свободная ваша дорога возвратиться в замок и выдержать приступ, но — тогда я ни за что не ручаюсь...

— Генерал! Вы бесчестите нас!

— Посылая по старой вашей дороге? Или вы думали, что я не понял вашей шалости? Хорошо! Вы и товарищ ваш будете освобождены от условия: отдайте шпаги и — дайте мне ваши руки, но другие товарищи ваши пусть проползут еще раз там, где и вы, полковник французской службы, с пустоголовыми сорванцами не постыдились ползти... И для кого? Для женщины...

— Генерал! — вскричал Шуази. — Для ка-

кой женщины!.. Ах! Вы сами проползли бы за нею кругом земного шара на коленях, если бы вы ее знали!..

Суворов рассмеялся:

— Верю, верю, что глаза ее звезды небесные, взоры ее молнии подоблачные! Il est vrai, je n'entrais pas trop dans le commerce des femmes, mais quand je m'y amusais le respect n'y manquait jamais. Le temps me manquait de les pratiquer et je les craignais; ce sont elles qui gouvernent le pays ici comme partout ailleurs; je ne me sentais pas assez fort pour me defendre contre leurs charmes... [3]

— Генерал! — сказал Шуази весело. — Я ожидал увидеть медведя, а вижу любезного соотечественника! Никто не принудил бы меня бросить мои затеи, но — вот вам моя шпага и слово, что я оставлю Польшу.

Немедленно приказано было воротиться пленникам в замок. Услышав новое условие, многие покосились, поворчали... Делать было нечего! Шуази и Виомениль отдали свои шпаги и отведены были на квартиру Суворова. Он поскакал с своими офицерами к той башне, против которой останавливался и говорил:

"Плуты, плуты, удальцы!" И вот — из грязного окна башни, в которое текла нечистота и грязь из замка, полезли вельможные паны, защитники Краковского замка, щеголеватые офицеры французские и все с ними бывшие. В это окно, ночью, прокрались в замок Шуази, Виомениль и их товарищи, схватили часовых, захватили спящий, беспечный русский гарнизон и — думали взволновать Польшу и бороться с русской царицею.

Суворов, офицеры, солдаты русские хохотали, видя, как распудренные французы и в цветных платьях паны польские, замаранные, вылезали из башни и валялись в грязь... После того им позволено было разойтись; Суворов сказал: "Аминь!" — и поехал обедать.

За обедом у Суворова были Виомениль, Шуази, воевода, несколько панов, бывший комендант Краковского замка. Все говорили, откровенно или нет, но дружески, весело, при непрерывном смехе. Против обыкновения своего, Суворов велел подать лишнюю бутылку. "Он место благодетельного человека был добрый человек", — говорил Суворов, указы-

вая на коменданта. Пан воевода уверял, что все делал он по неразумению (*uczynif to przez nieguzum*); Суворов соглашался, но после обеда пану воеводе сказано было, что, ради некоторых недоразумений, ему велено прожить несколько времени вне Польши.

— А вы, полковник, что хотите делать? — спросил Суворов Шуази.

— Я еду во Францию, ибо почитаю, что здесь мое дело кончено, и как меня уверяют, не бесславно; не знаю, согласитесь ли вы с этим...

— *La reputation est le partage de tout homme de bien; mais je fondais cette reputation dans la gloire de ma patrie, dont les succes n'etaient que pour sa prosperite* [4].

Шуази задумался.

— Этого ли требует от вас Франция, что вы здесь делали? — спросил Суворов.

— Нет! — отвечал Шуази медленно.

— Может быть, мы встретимся когда-нибудь с вами, и тогда вы будете известны не шалостью, а чем-нибудь другим.

Они расстались. Через несколько месяцев объявлен был первый раздел Польши. Мне

сказывали очевидцы, что Шуази, возвращаясь во Францию, сбился с дороги и нечаянно очутился в замке воеводы Краковского. Воевода был тогда за границую; в замке оставалась одна хозяйка, Эмилия. Она приняла бедного, потерявшего дорогу странника как старого доброго знакомого. Я забыл было сказать, что у Шуази изломалась тогда коляска, он ушиб себе ногу и принужден был прожить в замке Эмилии месяца два. Жалеть нечего: ему было не скучно. Через несколько лет он был в Америке.

1829

ПРИМЕЧАНИЯ

*Впервые — "Радуга. Литературный и музыкальный альманах на 1830 год".
Изданный П. Арановым и Д. Новиковым. М., 1829.*

Печатается по тексту альманаха.

С. 440. Дюбарри Мария Жанна (1746–1793) — графиня, фаворитка короля Людовика XV; жила в замке близ Марли; во время Великой французской революции (1789–1794) гильотинирована за политические связи с эмигрантами.

Герцог Шуазель Этьен Франсуа (1719–1785) — французский министр иностранных дел, премьер-министр Франции (1758–1770); будучи посланником в Австрии, достиг союза с ней; упразднил во Франции орден иезуитов. Был свергнут с помощью интриг графиней Дюбарри (1770).

...потомки баярдов... — потомки идеальных рыцарей; Баярд Пьер дю Террайль (1472 — 1524), "рыцарь без страха и упрека", французский военачальник; прославился своими воинскими подвигами.

Бомарше Пьер Огюстен (1732–1799) — французский драматург, автор комедий "Севильский цирюльник" (1775), "Женитьба Фигаро" (1784).

Мирабо из Сен-Венсана... — Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749–1791) — граф, деятель Великой французской революции. Приобрел славу обличителя абсолютизма; по мере развития стал сторонником конституционной монархии, лидером крупной буржуазии, а с 1790 г. — тайным агентом королевского двора. Упомянув Сен-Венсан (Венсенну), автор намекает на то, что в 1778–1780 гг. Мирабо был в строгом заключении в Венсенне из-за его связи с женой старого маркиза де Моннье.

Старик Вольтер смеялся тихонько в своем Фернее... — Вольтер (настоящее имя: Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778), французский писатель и философ-просветитель; отличался едким остроумием и сатирическим складом ума; сыграл огромную роль в подготовке Великой французской революции; с 1758 г. жил в своем имении Ферне на границе Франции и Швейцарии.

Барон Тотт укреплял Дарданеллы... — бу-

дучи французским консулом в Крыму, Тотт неизменно помогал туркам против русских; одной из задач Тотта было укрепление Дарданелл; дабы испросить субсидий для исполнения этой задачи, он обрисовал укрепления этих мест в самом жалком виде.

С. 441. Гайдук — здесь: служитель у вельмож при выезде в карете, занимавший место сзади (на запятках).

Кунтуш — см. коммент. к с. 278.

С. 442. Король Август (1696–1763) — имеется в виду Август III Фридрих, король польский и курфюрст саксонский (с 1733 г.).

...полякам велели выбрать Понятовского... — 16 августа 1764 г. ставленник России Станислав Август Понятовский (1732–1798) был избран сеймом на польский престол.

Суворов Александр Васильевич (1730–1800) — выдающийся, всемирно известный полководец, генералиссимус; генерал-майор с 1770 г.

С. 443...обновить век Собиеского... (1624–1696) — речь идет о времени царствования польского короля Яна III (Собеского), при котором положение Польши упрочилось: в

1686 г. был заключен "вечный мир" с Россией; борьба с турецкой агрессией была успешной, турки были разбиты под Веной (1683).

Пулавские, Новицкие, Коссаковские — руководители польских конфедератов — национально-патриотической партии (XVIII–XIX вв.), стремящейся к восстановлению государственной целостности Польши.

Дюмурье Шарль Франсуа (1739–1823) — французский полковник, прибыл к конфедератам в качестве военного инструктора; позже — генерал; в 1792 — министр иностранных дел республиканской Франции. В 1793 изменил революции и бежал к австрийцам; умер в Англии.

С. 445...учеником Кауницов и Шуазелей... — Кауниц Венцель Антон (1711–1794); в 1753–1792 австрийский государственный канцлер; добился союза с Россией и Францией.

Браницкий Франциск Ксаверий — граф, ревностный сторонник русской партии в Польше, приближенный Станислава Понятовского; с 1770 — коронный гетман.

Иван Иванович Веймарн — генерал; рус-

ский агент в Польше.

...со сретеньева дня... — сретенье, православный праздник; связывался с концом зимы и подготовкой к весенним полевым работам, отмечался 2 (15) февраля.

Примечания

1

Смесь польского с немецким: "любим вас".

[^^^]

Бибикову.

[^^^]

Правда, меня не очень занимало женское знакомство, но когда я этим забавлялся — всегда только с чувством уважения. У меня не хватало для них времени, и я их боялся, ведь они управляют страной здесь, как и везде; я же не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы защититься против их чар.

[^^^]

4

Репутация есть у каждого добродетельного человека, но я создал себе репутацию в славе своей родины, успехи которой содействовали лишь ее процветанию.

[^^^]